

Лю Чи сидел в кресле, накинув верхнюю одежду, пока слуга вытирал полотенцем его мокрые длинные волосы. Глядя на лежащего на кровати Хо Цунцзина с совершенно отрешенным взглядом, он спросил:

— Не хочешь есть? Я велю подать еду, поедим вместе.

Хо Цунцзин чувствовал себя совершенно истощенным, в пояснице непрерывно ныло, а икры сводило судорогой. Выбираясь только что из деревянной бадьи, он едва ли не висел на руках у Лю Чи.

С виду хрупкий, Лю Чи обладал на редкость крепкой хваткой.

Хо Цунцзин скосил глаза на него: тот сидел в кресле закинув ногу за ногу и набросив лишь верхнюю халат-накидку — зрелище было донельзя соблазнительным, отчего у Хо Цунцзина снова заныла поясница.

— Буду, — хрипло отозвался Хо Цунцзин.

Лю Чи приподнял бровь. Видя, как тот пластом лежит на постели и не делает попыток встать, он понял, что генерал просто дорожит гордостью и не хочет терять лицо перед слугами, а потому лишь взмахнул рукой, приказывая всем выйти.

Стоило двери закрыться, как Лю Чи поднялся, свысока посмотрел на Хо Цунцзина и с улыбкой, в которой читалась насмешка, бросил:

— Неужто Генерал, подавляющий Восток, встать не может?

— Я это... погоди немного, дай прийти в себя, — виновато усмехаясь, Хо Цунцзин с трудом приподнялся. Силы не то чтобы совсем покинули его, но тело охватила такая слабость, казалось, вот-вот снова начнется судорога.

На сей раз он и впрямь переусердствовал с плотскими утехами.

Лю Чи не стал донимать его дальнейшими насмешками: дождавшись, пока Хо Цунцзин кое-как оденется и усядется за стол, он велел подать еду.

В конце концов, все те сладкие речи в весеннем доме были лишь мимолетной игрой слов, и даже столь простодушный человек, как Хо Цунцзин, должен был это понимать.

С примерной заботой наполнив пиалу кашей из семян дерезы и белого гриба, Лю Чи поставил ее перед ним и улыбнулся:

— Ешь.

Генерал, подавляющий Восток, хранил молчание.

Некоторое время спустя на столе появились блюда: каша с дерезой и грибами, суп из черепахи, жареная баранина по-сычуаньски, тушеный ямс с уксусом, а также остро обжаренные свиные почки...

От одного запаха этого стола у Хо Цунцзина, казалось, все жизненные силы животворящей влагой устремлялись наружу.

Хо Цунцзин не отличался изворотливым умом, а потому в полумраке просто смотрел на два цветочка по обе стороны от груди: один под его настойчивыми ласками до сих пор не утратил алого оттенка, а второй уже вернул себе нежно-розовый цвет.

Припухший от долгих сосаний розовый бутон влажно блестел, но в глазах Лю Чи поблескивали острые клинки.

Заметив мрачный вид генерала, Лю Чи подошел ближе, послушно прижался к его груди, обнял за шею и, легко коснувшись губами его щеки, спросил:

— Сердишься?

— Конечно, — угрюмо буркнул Хо Цунцзин.

Лю Чи усадил его обратно на кровать. Хо Цунцзин лежал чуть ниже, и Лю Чи, притянув его голову к своей груди, с улыбкой поцеловал в лоб и спросил:

— Значит, ревнуешь?

В мыслях у Хо Цунцзина была лишь одна наивная цель — добиться, чтобы оба цветка приобрели одинаковый оттенок, — он подался вперед и, взяв розовый бутон губами, принялся его посасывать.

Хо Цунцзин взял пиалу и палочки, помедлил пару секунд и неуверенно произнес:

— Ты бы ел поменьше.

Себя-то он подлатать может, а вот с Лю Чи лучше не рисковать — от такого лечения и помереть недолго.

Услышав столь простодушный ответ, Лю Чи на мгновение замер.

А затем рука Лю Чи резко сомкнулась на его подбородке.

Хо Цунцзин почувствовал, что выражение его лица в этот момент едва не рухнуло от растерянности.

После плотного обеда из блюд, призванных восстановить мужскую силу, Хо Цунцзин почувствовал, что к нему возвращается былой задор. Посмотрев на маленький золотой слиток, висевший на шнурке у Лю Чи на шее, он спросил:

— А эта вещица у тебя на шее... имеет какой-то особый смысл?

Лю Чи погасил светильники в дальнем углу, и в сгустившемся полумраке золото заблестело ярче. Услышав вопрос, он усмехнулся:

— Когда меня впервые выставили на продажу в борделе, это были деньги, которыми Двенадцатый принц выкупил мой контракт.

Хо Цунцзин передернул плечами: днем, когда Лю Чи едва не уморил его до полусмерти, в его глазах светилось ровно такое же выражение.

Генерал, подавляющий Восток, натужно выдавил из себя угодливую улыбку, за что тут же получил увесистый шлепок по задку.

— Спать! — бросил Лю Чи, отшвыривая ему одеяло, и отвернулся к стене.

Хо Цунцзин послушно укрылся и прилег, но в наступившей тишине до него вдруг дошло: он ведь здесь клиент, который платит деньги, с какой стати ему терпеть такое суровое обращение?

К тому же днем Лю Чи ластился к нему, проявлял нежность и вился ужом, выпрашивая поддержки для Двенадцатого принца, а теперь вот показывает характер... Ну и ну.

Связываться с ним он не рискнул.

Помассировав нывший бок, Хо Цунцзин молча закрыл глаза. Поясница была безнадежно истощена, и на сей раз проявить твердость характера он никак не мог.

На следующее утро, осилив три пиалы каши, четыре паровых пампушки и три тарелки с едой, Хо Цунцзин решил, что он снова в полном порядке.

— Погодка нынче выдалась отменная, — лениво протянул Хо Цунцзин, откинувшись на спинку кресла и бесцеремонно поглаживая живот.

Лю Чи сидел напротив, приподняв веки, но по его лицу было трудно понять, к чему клонит гость.

— Не хочешь прокатиться верхом за город? — с улыбкой предложил Хо Цунцзин. — Захватим мяса, проголодаемся в дороге — я пожарю тебе шашлыка.

Для Лю Чи подобное предложение прозвучало слишком непривычно, и он на миг растерялся.

— Умеешь ведь держаться в седле? Если нет, я с радостью научу, — вполне серьезно добавил Хо Цунцзин.

Он полагал, что Лю Чи должен уметь: в детстве тот был компаньоном принцев по учебе, а стрельба из лука и верховая езда входили в обязательную программу.

Хотя за прошедшие годы навыки вполне могли и позабыться.

Однако Лю Чи вдруг заметно растерялся. Посмотрев на него затуманенным взглядом, он спустя пару ударов сердца тихо произнес:

— Я... нет, я не умею.

Не понимая причины столь странной реакции, Хо Цунцзин немного подумал и спросил:

— Вряд ли здесь действуют правила, запрещающие тебе покидать это место?

Лицо Лю Чи мгновенно окаменело.

Вообще-то запреты существовали.

Но теперь соблюдать их больше не было никакой нужды, ведь он уже составил план побега.

План навсегда вырваться из-под чужой опеки.

Осознав собственный минутный страх и растерянность, Лю Чи почувствовал, как внутри поднимается волна жгучей ясти.

— Нет... — голос Лю Чи слегка дрожал. Он судорожно вцепился пальцами в золотой слиток на шее и лишь после этого сумел взять себя в руки.

Заметив странности в его поведении, Хо Цунцзин продолжил:

— Раз запретов нет, давай отправиться прямо сейчас? Я велю подготовить лошадей и снаряжение.

— Хорошо, — кивнул Лю Чи, по-прежнему сжимая в кулаке кусочек золота, словно это

придавало ему твердости.

Хо Цунцзин живо оделся и на ходу бросил:

— У тебя найдется одежда с узкими рукавами?

Мысль о том, что у Лю Чи нет нормальных вещей, уже прочно засела у него в голове.

— Найдется.

Кивнув, Хо Цунцзин вышел распорядиться насчет коней.

Лю Чи остался в комнате один.

Выражение его лица в тот же миг помрачнело.

Опустив взгляд на подрагивающую левую руку, он ощутил клубящийся в груди страх и жгучую злость на этот самый страх, после чего со всего маху врезал кулаком по столешнице.

Боль онемением пронзила половину руки, но дрожь в пальцах наконец унялась.

Окинув собственное тело ледяным, отстраненным взглядом, Лю Чи молча принялся переодеваться.

Приведя себя в порядок, он выглянул в окно и увидел Хо Цунцзина, который скучающе прислонился к косяку у входа в Башню Ветра и Луны.

Хо Цунцзин рассчитывал прождать по меньшей мере полчаса, но не прошло и пятнадцати минут, как Лю Чи уже спустился вниз.

Окинув взглядом его черный наряд, Хо Цунцзин с легким критическим прищуром заметил:

— А в белых одеждах тебе все-таки шло больше.

Лю Чи едва не рассмеялся от такой наглости: те белые одежды стоили больше пятисот лян серебра, а то, во что он облачился сейчас, было выбрано исключительно ради удобства верховой езды.

Чутко уловив промелькнувшую в глазах спутника убийственную нотку, Хо Цунцзин поспешно добавил с улыбкой:

— Впрочем, неважно, главное — лицо красивое.

Полагая, что за годы заточения Лю Чи мог растерять все навыки наездника, Хо Цунцзин не стал сажать его на отдельного коня прямо в городе. Вместо этого он связал двух лошадей короткой веревкой, усадил Лю Чи перед собой и неспешно повел коней шагом к городским воротам.

Хо Цунцзин держался в седле превосходно. Он поступил в армию в четырнадцать лет, начав рядовым пехотинцем, но благодаря усердию быстро привлек к себе внимание и был переведен в кавалерию. Конница считалась элитным родом войск, а Хо Цунцзину к тому же улыбнулась удача — его отряд снабжался из рук вон хорошо, и временами на каждого всадника приходилось по две или даже три лошади.

Управлять конем и одновременно удерживать впереди человека для него не составляло никакого труда.

Судя по всему, Лю Чи и впрямь напрочь забыл, как ездить верхом: он сидел в седле донельзя напрягшись, всем телом прижавшись к груди Хо Цунцзина и едва ли не дрожа от страха.

Тогда Хо Цунцзин одной рукой обнял его за талию, а другой перехватил поводья, позволяя лошади идти шагом.

— Не бойся, — с улыбкой прошептал он, опуская подбородок на плечо спутника. — Я держу тебя, никуда не упадешь.

Лю Чи ничего не ответил, лишь обеими руками вцепился в руку Хо Цунцзина, обвивавшую его талию.

Хватка у него оказалась железной: даже сквозь плотную ткань кожи Хо Цунцзин чувствовал боль, но, глядя на то, как испуганно котенок жается к нему, он мгновенно растаял, лишь крепче прижав Лю Чи к себе и позволив тому продолжать цепляться за его руку.

Хо Цунцзин мысленно прикидывал: если они вот так медленно, шаг за шагом проедут от Башни Ветра и Луны до самых городских ворот, к полудню об этом будут судачить все кому не лень.

Чудесно.

— Ну вот, мы уже за городом, неужто еще не привык? — наклонившись, тихо спросил Хо Цунцзин. Рука уже затекла — наверняка на ней останутся синяки от хватки Лю Чи.

Заметив, что дрожь прекратилась, Хо Цунцзин отпустил поводья, ласково погладил спутника по волосам и мягко произнес:

— Может, слезем пока, переведем дух?

— Да, — наконец выдавил из себя Лю Чи невыразительным, сухим голосом.

Хо Цунцзин подумал немного, сначала соскочил на землю сам, а затем бережно снял с седла и опустил вниз Лю Чи.

Лицо Лю Чи было совершенно бледным. Впрочем, от природы он и так отличался белизной кожи — сказывались не только природные данные, но и то, что последние два с лишним года он почти не видел солнечного света, но сейчас эта бледность приобрела болезненный оттенок.

Хо Цунцзин усадил его прямо на землю, устроив у себя на коленях.

— Если не хочешь кататься, давай вернемся назад, — коснувшись его щеки, с нажимом произнес Хо Цунцзин, чувствуя укол жалости.

Лю Чи словно очнулся от оцепенения. Устремив на него черные зрачки, он тихо проговорил:

— Нет, я хочу.

<http://bllate.org/book/21314/2162814>